

**ЗАДАЧИ ИСТОРИИ МЕТОДОЛОГИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ЛИНГВИСТИКИ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ФУНКЦИОНАЛЬНО-
ПРАГМАТИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ В РОССИЙСКОЙ
ГРАММАТИКЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX - НАЧАЛА XX
ВЕКОВ¹**

Под влиянием марксистско-ленинской философии в ее догматизированном виде, на протяжении многих десятилетий господствовавшей в гуманитарных науках, понятие методологии науки стало смешиваться в сознании многих советских ученых с идеологией. Следствием этого стало распространенное даже среди современных отечественных ученых пренебрежение собственно методологическими основаниями их научного исследования. Политические преобразования в Советском Союзе и разложение советской идеологической системы привели к глобальным изменениям в социально-политической жизни на всем постсоветском пространстве. В науке это выразилось в исчезновении философско-методологического диктата со стороны государства и возникновении предпосылок для плюрализма не только теоретического, но и методологического характера. Однако «падение» методологического догматизма, связанного с идеологической установкой, естественным образом нейтрализовалось смешением в сознании ученых методологии и идеологии, отвращением к политической идеологии и «методологической идиосинক্রазией» как следствием такого отвращения, унаследованного с советских времен. Такая идиосинক্রазия может привести и приводит к методологическому эклектизму и нигилизму и совпадает в настоящее время с заимствованной из новейшей западной философии тенденцией к постмодернизму и деконструктивизму, основной методологической установкой которых является эклектизм². Следствием этого является возникновение противоречивых научных теорий, «наличие у лингвиста душевного дискомфорта при обращении к методологическому инструментарию своей науки» [Паршин, 1996: 19], что, безусловно, не способствует развитию на территории СНГ наук вообще и гуманитарных в частности.

На этом фоне функционально-прагматическая методология представляет собой реальную альтернативу сложившемуся в гуманитарных науках положению вещей. Ее основной установкой является *умеренный релятивизм*, который позволяет согласовывать и в

¹ В рамках этой работы на первый план закономерно выходят собственно философские (онтологические и гносеологические) представления конкретных ученых, воплощающиеся в их научных взглядах. Методическая составляющая методологических взглядов ученых не является основным объектом нашего внимания, попадая в круг рассматриваемых вопросов лишь в исключительных случаях.

² Тяготение современной отечественной науки к постмодернизму можно объяснить еще и тем, что довлевший над нею долгое время марксизм-ленинизм сам, по мнению некоторых исследователей, носил постмодернистский характер (см. [Глотов, 1995; Эпштейн, 2000]).

известной степени сочетать различные методологические, мировоззренческие и, если угодно, идеологические установки, опираясь на поиск представлений, которые бы не только учитывали и объясняли факты, вскрываемые различными методологическими течениями, но и имели бы *практическую значимость*, позволяющую *объяснять*, а не только описывать факты. Так, признавая бытование языка как системы инвариантов, функциональный прагматизм солидаризируется в этом пункте с метафизическими методологическими направлениями (напр., со структурализмом или феноменологией в языкознании); будучи фактуальным по своим *методическим* установкам, функциональный прагматизм солидаризируется с позитивизмом, отстаивая онтологический антропоцентризм, сближается с экзистенциалистскими течениями и когнитивизмом. В этой связи чрезвычайно важным является введение функциональным прагматизмом понятия *функции* как взаимозависимого деятельностного отношения. Понятие функции позволяет рассматривать явления как результат сложного деятельностного взаимодействия индивидуума и мира, на основании и в результате которого формируются психосоциальные структуры, включая семиотические. Функциональный прагматизм позволяет учитывать кроме психических (индивидуалистические методологические направления), еще и социальные аспекты бытования объекта. Таким образом, мы считаем, что к сегодняшней день исследование истории и развития функционально-прагматической методологии является важной задачей отечественной методологии лингвистики.

В историографии отечественной лингвистики накоплено достаточное количество сведений, описывающих судьбы конкретных ученых, историю применения тех или иных методов (методик), становление и развитие различных теорий [Ахманова, 1953; Амирова, Ольховиков, Рождественский, 1975; Березин, 1979; Білодід, 1977; Бокадорова, 1986; Глущенко, 1998; Горбаневский, 1991; Деборин, 1957; Зубкова, 1989; Леонтьев, 1959; Леонтьев, 1961; Кузнецова, 1982; Мельничук, 1981; Острянин, 1962; Рождественский, 1990; Супрун, 1971; Федосеев, 1964; Франчук, 1975; Франчук, 1986; Франчук, Рождественский, 1990; Чемоданов, 1956]. В то же время (за редким исключением, напр., [Филин, 1935]) практически отсутствуют работы, описывающие историю развития методологии отечественной лингвистики или отдельных методологических направлений как философских оснований лингвистического исследования. Такое положение вещей мы связываем, во-первых, с засильем диалектико-материалистической (а подчас и вульгарно-материалистической) методологии в отечественной науке минувших лет, в рамки которой конкретные лингвистические концепции зачастую не укладываются, а, во-вторых, с упоминанием выше пренебрежением ученых к вопросам методологии. На этом фоне одной из глобальных задач истории лингвистики является вскрытие методологических оснований лингвистических концепций отечественного языкознания. Стремясь очертить круг, возникающих в этой сфере вопросов мы приводим краткий и довольно неполный очерк методологических взглядов некоторых отечественных научных школ второй половины XIX начала XX веков и их отношения к функциональному прагматизму.

Единственным полноценным и монопольным методологическим направлением в отечественном языкознании XIX в. была метафизика историцистского толка, восходящая своими истоками к взглядам И.Гердера, Ф. Шеллинга и Г.-В. Ф. Гегеля. Она оставалась таковой практически до появления работ А.А. Потебни. Таким образом, грамматические взгляды А.А. Потебни являются первой отечественной лингвистической концепцией, в которой в той или иной мере присутствуют элементы функционально-прагматической методологии. Именно по этой причине появление трудов Потебни мы избрали нижней исторической границей нашего исследования.

60-е годы XIX в. были отмечены повышением интереса к психологии, в частности, к этнопсихологии (гумбольдтианская школа Г. Штейнтала, М. Лацаруса и В.Вундта), а с другой стороны - к кантианству, что было связано с попытками преодоления объективистского абсолютизма в духе ФТЦеллинга и Г.-В.Ф.Гегеля. Возврат к Канту осуществлялся на новой, психологической основе с учетом последних достижений философской

ЗАДАЧИ ИСТОРИИ МЕТОДОЛОГИИ

мысли (историзм и зарождавшийся в рамках позитивизма социологизм). Отсюда функциональный психологизм взглядов Потебни и социальный психологизм концепции И.А.Бодуэна де Куртенэ. В конце XIX в. намечилось смещение интересов ученых от идеализма в сторону большего реализма, вплоть до эмпирического позитивизма (феноменализма). Следствием развития этих тенденций стали младограмматизм и формализм. Они же становятся главенствующими направлениями в отечественной лингвистике. Функциональные взгляды, основа которых была заложена Потебней и Бодуэном, оказались на периферии отечественной лингвистической мысли. Эта периферийность была отчасти вызвана экстранаучными факторами: географическими (удаленность от столиц: Харьков, Казань, Дерпт), этнополитическим (проукраинские взгляды представителей Харьковской школы, космополитическая ориентация бодуэновских школ, политическая неблагонадежность основателей обеих научных школ), издательским (Потебня публиковался преимущественно в Харькове и Варшаве, Бодуэн - за рубежом). К тому же Потебня так и не опубликовал своего итогового труда, а Бодуэн в основном публиковал разрозненные статьи по частным вопросам языкознания.

Пришедшие в начале XX в. на смену позитивизму неогегельянство и феноменология Гуссерля так же не способствовали развитию и распространению в России функционализма и прагматизма. Со смертью Потебни взгляды представителей Харьковской школы по тем или иным причинам начали забываться. Центр лингвистического функционализма сместился в Петербург, где Бодуэн создал новую школу (Л.В.Щерба, Е.Д.Поливанов, Л.П.Якубинский, В.Б.Томашевский и др.³), которая в значительной степени способствовала сохранению функционально-прагматической методологии в отечественном языкознании.

Следует отметить, что универсалистская психологическая линия, ведущая от В.Канта через В.Гумбольдта и Г.Штейнтала к Потебне, имела еще одну ипостась в лице Э.Кассирера, который непосредственно совместил взгляды Канта и Штейнтала. Именно эта линия была в значительной степени развита последователями Н.Я.Марра. Взгляды самого Марра были весьма эклектичны, однако в них содержались ключевые положения функционально-прагматической методологии: нетождественность языка и мышления, инструментальный характер языка, рассмотрение языковой деятельности как главного объекта лингвистики («палеонтология речи»), интересубъективная трактовка социальной стороны языка⁴. Именно повышенный интерес к исследованию соотношения языка, мышления и общества привел учеников Марра к изучению и популяризации взглядов Потебни⁵. После возвращения Бодуэна в 1918 г. на родину и после эмиграции Н.С.Трубецкого бодуэновская линия в отечественном языкознании сильно ослабела. Марристы оказались практически единственными представителями функционализма в Советской России. Разногласия идеологического, теоретического и методического характера между марристами и бодуэнистами (в частности Е.Д.Поливановым) не благоприятствовали оформлению функционального прагматизма как самостоятельного методологического направления в языкознании. Единственным связующим звеном между этими двумя ответвлениями функционально-прагматической методологии был Л.В.Щерба, активно сотрудничавший в Институте языка и мышления им. Н.Я.Марра и преподавав

³ Некоторые исследователи указывают на В.В.Виноградова как представителя этой школы. Однако,

по нашему мнению, его взгляды преимущественно метафизические, но чаще все же эклектические, что снижает их значимость для развития методологии лингвистики.

⁴ Равно как и другие функционалисты (например, Бодуэн, В.Матезиус, Н.С.Трубецкой), Н.Я.Марр был сторонником теории языковой конвергенции.

⁵ Так, Ф.П.Филин осуществил последовательный методологический анализ методологии Потебни и руководил работой по упорядочению и изданию 4-го тома «Из записок по русской грамматике» Потебни, а название книги И.И.Мещанинова «Члены предложения и части речи» полностью повторяет название одной из глав 1-го тома «Записок» Потебни.

ший в 20-е годы минувшего века в Петроградском - Ленинградском университете введение в языкознание⁶.

Под влиянием инспирированной И.В.Сталиным критики марризма принципиально изменились интересы отечественных лингвистов. Многие вопросы, традиционно определявшие основной корпус отечественного языкознания, стали неприемлемыми для *советской* лингвистики: «Справедливая критика 'классового характера языка' и так называемых четырех элементов Н.Я.Марра, к сожалению, на некоторое время создала у ряда лингвистов убеждение, будто бы следует подальше держаться от общественных функций языка, чтобы не допустить 'вульгарно-социологических ошибок'. В стороне оказалась на некоторое время проблема языка и мышления. Возникла нелепая теория, согласно которой языки будто бы только изменяются, но не развиваются» [Будагов, 1982: 23]. Как отмечал Б.А.Серебренников, основным недостатком отечественного языкознания 40-50-х было рассмотрение марксистского диалектического метода в качестве «единственно научного» и совершенно независимого от всякой другой методологии, что привело к своего рода методологическому обскурантизму [Серебренников, 1983: 11]. Такая ситуация, на наш взгляд, сохраняется в отечественной лингвистической традиции и до сих пор. Это связано со специфически мифологическим представлением об истории отечественной лингвистики, возникшем после дискуссии 1950 года: «За последние четверть века получило почти всеобщее распространение среди советских языковедов противопоставление 'современная лингвистика'- 'несовременная лингвистика'. Оказалось неясным: а где же должна располагаться советская наука о языке?» [Будагов, 1982: 19]. С.Д.Кацнельсон в унисон с Р.А.Будаговым прямо связывал такое положение в лингвистике с засильем структурализма в советском языкознании после 1950 года: «Антименталистические тенденции, возобладаввшие в новейших лингвистических направлениях 40-х и 50-х годов, на время затормозили семантические исследования. Но в последнее время, когда четко обозначилась неудача теорий, односторонне ориентированных на внешнюю форму, интерес к содержательной стороне языка, к его 'глубинным' структурам снова возрос» [Кацнельсон, 1972: 4]. Той же точки зрения придерживался и В.И.Абаев: «Нормализация языкознания достигла предела в структурализме. Как в истории организмов возникают виды, не способные к дальнейшему развитию, так в истории любой науки могут возникнуть направления, которые ведут в тупик. Таким тупиковым направлением в языкознании является структурализм [как описательная наука - ЛЗ.С.]» [Абаев, 1986: 30]. Оставляя в стороне вопрос о перспективности развития структурной лингвистики, мы должны признать, что под влиянием господства структурализма история отечественного языкознания приняла несколько односторонние формы: «Как это ни странно, история советского языкознания остается областью все еще очень мало изученной» [Будагов, 1982: 19]. Таким образом, с момента выступления Сталина и разгрома марризма в отечественном языкознании в качестве официальной методологии утверждается диалектический и исторический материализм, который в зависимости от «теоретической моды» применялся к разным теориям или объектам исследования (структурализм, математическая лингвистика, генеративизм, лингвистика текста, ареальная лингвистика, функциональная грамматика и т.д. и т.п.). Такое положение вещей приводило к методологическому нигилизму и эклектизму в трудах отечественных лингвистов и не способствовало развитию отдельных методологических течений и расширению на их базе представлений о природе и способе существования/бытования языка/речи.

⁶ Так, многие из учеников Н.Я.Марра слушали этот курс у Л.В.Щербы, что позволяет выдвинуть предположение о влиянии Бодуэна на взгляды марристов через посредство лекций Щербы.

ЛИТЕРАТУРА:

- Абаев, 1986: Абаев В.И. Parerga 2. Языкознание описательное и объяснительное// ВЯ.- 1986-№ 2,- С. 27-39.
- Амирова, Ольховиков, Рождественский, 1975: Амирова Т.А., Ольховиков Б.А., Рождественский Ю.В. Очерки по истории лингвистики - М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1975.- 559 с.
- Ахманова, 1953: Ахманова О.С. Глоссематика Луи Ельмслева как проявление упадка современного буржуазного языкознания // Вопросы языкознания - 1953.- №3 - С. 25-47.
- Березин, 1979: Березин Ф.М. История русского языкознания / Учеб. пособие для филол. специальностей- М: Высш. школа, 1979.-223 с.
- Білодід, 1977: Білодід О.І. Граматична концепція О.О.Потебні- К.: Вища школа, 1977 - 304 с.
- Бокадорова, 1986: Бокадорова Н. Ю. Проблемы историологии науки о языке // ВЯ. - 1986 - № 6 - С. 68-75.
- Будагов, 1982: Будагов Р.А. Мы должны знать историю советского теоретического языкознания // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология,- 1982.-№ 6.-С. 17-27. Готов, 1995: Готов А. Иже еси в Марксе - Зелена Гура, 1995 - 148 с.
- Глушенко, 1998: Глушенко В. А. Принципи порівняльно-історичного дослідження в українському і російському мовознавстві (70-і рр. XIX ст.- 20-і рр. XX ст) / НАН України, Ін-т мовознавства ім. О.О.Потебні; відп. ред. О.Б.Ткаченко- Донецьк, 1998 - 222 с.
- Горбаневский, 1991: Горбаневский М.В. В начале было слово[...]: Малоизвестные страницы советской лингвистики.-М.: УДН, 1991.-256 с.
- Деборин, 1957: Деборин А.М. Заметки о происхождении и эволюции научных понятий и терминов // Вопросы языкознания.- 1957 - № 4 - С. 36-45.
- Зубкова, 1989: Зубкова Л.Г. Лингвистические учения конца XIX - начала XX в.: Развитие общей теории языка в системных концепциях. Монография - М.: УДН, 1989.-212 с.
- Кацнельсон, 1972: Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление-Л.: Наука, 1972.-216 с.
- Леонтьев, 1959: Леонтьев А.А. Общелингвистические взгляды И.А.Бодуэна де Куртенэ (К 30-летию со дня смерти) // Вопросы языкознания - 1959 - № 6 - С. 115-124.
- Леонтьев, 1961: Леонтьев А.А. И.А.Бодуэн де Куртенэ и Петербургская школа русской лингвистики // Вопросы языкознания.- 1961.— № 4,- С. 113-121.
- Мельничук, 1981: Мельничук О.С. Світогляд О.О.Потебні// Потебнянські читання / АН УРСР; Інститут мовознавства ім. О.О.Потебні-К.: Наукова думка, 1981-С. 5-14.
- Острянин, 1962: Острянин М.Х. Філософське значення наукової спадщини О.О.Потебні // Олександр Опанасович Потебня. Ювілейний збірник до 125-річчя від дня народження- К.: АН УРСР, 1962.- С. 40-56.
- Рождественский, 1990: Рождественский Ю.В. Лекции по общему языкознанию.- М.: Высш. шк., 1990.-381 с.
- Серебренников, 1983: Серебренников Б. А. О материалистическом подходе к явлениям языками Наука, 1983.-320 с.
- Супрун, 1971: Супрун А.Е. Части речи в русском языке.- М.: «Просвещение», 1971,- 136 с.
- Федосеев, 1964: Федосеев П.Н. Некоторые вопросы развития советского языковедения // Теоретические проблемы современного советского языкознания - М.: «Наука», 1964 - С. 31-37.
- Филин, 1935: Филин Ф.П. Методология лингвистических исследований А.А.Потебни // Язык и мышление, т. 3-4.- М.-Л.: АН СССР, 1935.- С. 121-160.
- Франчук, 1975: Франчук В.Ю. Олександр Опанасович Потебня - К.: Наукова думка, 1975 - 52 с.
- Франчук, 1986: Франчук В.Ю. А.А.Потебня: Кн. для учащихся - М.: Просвещение, 1986 - 143 с.
- Франчук, Рождественский, 1990: Франчук В.Ю., Рождественский Ю.В. Харьковская лингвистическая школа// Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н.Ярцева,- М.: Сов. энциклопедия, 1990-С. 569-570.
- Чемоданов, 1956: Чемоданов Н. С. Сравнительное языкознание в России: Очерк развития сравнительно-исторического метода в русском языкознании.- М.: Учпедгиз, 1956 - 94 с.
- Эпштейн, 2000: Эпштейн М. Постмодернизм в России. Литература и теория. - М.: Издание Р.Эмина, 2000 - 362 с.